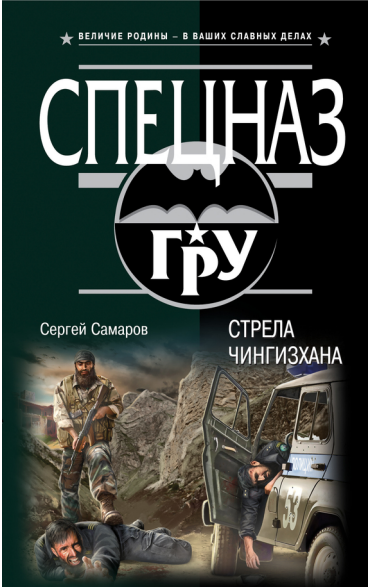

Сергей Васильевич Самаров
Стрела Чингисхана
Серия «Спецназ ГРУ»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7069450
Сергей Самаров. Стрела Чингисхана: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72784-1

Аннотация

На территории Ногайского района Дагестана орудует банда мурзы Арсланбекова. Благородный воин и народный мститель, Арсланбеков нападает только на представителей власти, которых поголовно считает преступниками и врагами. Жертв среди мирного населения мурза всеми силами старается избегать. Однажды по приказу Арсланбекова убивают главу местного УВД. Руководство региона поручает поиск преступников отряду спецназа ГРУ под командованием капитана Чанышева. Помимо поимки мурзы, перед подразделением ставится еще одна задача: протестировать в боевых условиях «умное» обмундирование нового поколения...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Самаров

Стрела Чингисхана

Пролог

Над невысокими холмами кружили два ястреба-канюка. Выискивали добычу. Канючили нечасто, но пронзительно, почти кошачьими голосами. Правда, очень уж несчастно. А в день одной такой птичке нужно больше десятка мышей, чтобы не испытывать чувства голода. Вот и кружат, обладая отменным зрением, выискивают добычу.

Роберт Ильханович Арсланбеков ехал верхом на вороном жеребце по холмистой степи и время от времени посматривал на птиц, завидуя их зрению. Хотя по человеческим нормам у него у самого оно было великолепное. Именно это зрение позволило Роберту Ильхановичу стать отличным стрелком. К седлу его лошади слева был приторочен лук в налучье, с правой стороны – колчан со стрелами. Оружие знаменитых предков, каждый из которых умел обращаться с ним лучше, чем современные солдаты со своими автоматами. И именно этим оружием была создана величайшая за всю историю человечества империя. Никакие народы не могли противостоять силе монгольских луков Чингисхана. И до сих пор в ногайской степи многие охотники лук предпочитают охотничьему ружью и даже винтовке. Лук, как символ былой славы, передается из поколения в поколение от отца к младшему сыну, потому что отец, согласно ногайским традициям, живет в доме младшего сына, который обязан о нем заботиться. Правда, и с современным оружием Роберт Ильханович обращаться умел, об этом говорил автомат за его плечом. Приклад автомата был сложен, чтобы не мешал, но разложить его недолго, нужно только кнопку стопора вдавить, сам приклад откинуть, можно стрелять прицельно. А если стрелять от пояса, тогда можно приклад и не откидывать. Роберт Ильханович хорошо стрелял и так и так. Если в человеке есть дух воина, он всегда научится обращаться с любым оружием. А духом воина его наградил отец.

Отец Роберта Ильхановича лежал в больнице, и сын недавно ездил навестить его в Южно-Сухокумск¹. Чувствуя, что ему из больницы уже не выйти, отец велел младшему своему сыну забрать из дома лук и стрелы. Этот лук был уже очень старым. Отец говорил, что ему больше двух веков. С ним еще его предок в составе конницы генерала Платова брал штурмом Париж в тысяча восемьсот пятнадцатом году. Тогда полк ногайцев отличился храбростью и получил за это императорский штандарт. Лук принадлежал мурзе Уразлы, командиру полка. Отец был дальним потомком Уразлы по мужской линии, но уже не назывался мурзой. Это слово искоренила советская власть точно так же, как увезла куда-то, как позорное пятно прошлого, и сам императорский штандарт, хранящийся у потомков мурзы Уразлы. Хорошо еще, что вместе со штандартом дедушку не увезли. В те времена так со многими поступали. Сам Уразлы вел свой род от хана Берке, отделившего ногайцев от Золотой Орды, а хан Берке вел свой род от Ногая. Ногай, в свою очередь, – от Чингисхана. Значит, и Роберт Ильханович тоже считался чингисидом, то есть потомком Повелителя Вселенной. Все это отец рассказал младшему сыну незадолго до своей смерти. Он и раньше что-то рассказывал, но только отдельными частями. А в этот раз все свел воедино. Но хорошо было уже то, что Роберт Ильханович сумел навестить отца. Пусть Южно-Сухокумск и небольшой город, тем не менее там никто не знал младшего сына больного старика. Может быть, в городском отделе полиции и висел его портрет, с тех пор как Роберта Ильхановича объявили в розыск, –

¹ Южно-Сухокумск – город на территории Ногайского района Дагестана, составляющий отдельный городской округ, не входящий в состав района. (Здесь и далее прим. автора.)

но кто рассматривает эти портреты, кто вообще сравнивает плохого качества принтерную распечатку с человеком и кто следит за тем, какие люди навещают больных? Это дома показываться было опасно, когда отец там лежал. Роберт Ильханович только звонил часто и разговаривал с отцом, который по болезни и вообще по старости уже не мог ходить. В родном селе Терекли-Мектеб Роберта Ильхановича знала каждая собака и практически каждый человек. А как не знать того, кто был когда-то директором единственной в райцентре школы. И все знают, что он в Дагестане сейчас называется эмиром Арсланбековым и объявлен во всероссийский розыск. Правда, не все в селе его осуждают. Это Роберт Ильханович знал хорошо. Многие сочувствуют, многие восхищаются им, кое-кто даже помочь готов. Но есть и такие, кто, завидев, как он в родной дом приехал, побегут докладывать в полицию или, что еще проще, просто позвонят – трубка сотовой связи сейчас есть у каждого, и к дому сразу направится машина. Одна из двух полицейских машин, что стоят перед крыльцом районного отдела внутренних дел. Вообще-то у них машин больше, но эти две всегда у крыльца дежурят. «Уазик», с «обезьянником» в багажнике, и «Форд Фокус» дорожно-патрульной службы. И те и другие – его враги. И те и другие виноваты в том, что произошло с директором школы. Они все не местные. Они дагестанцы, включая начальника районного отдела и его заместителей, и не могут быть своими людьми среди ногайцев. А сейчас и сам Роберт Ильханович больше находится в дагестанских горах, чем в милых его глазу ногайских степях. Так ногайцы и говорят – «в Дагестане», хотя официально Ногайский район тоже относится к Дагестану. Но никогда не говорят, что поехали в Чечню, если едут в гости к другим ногайцам, живущим по другую сторону административной границы двух республик, не считаясь с административным делением, а предпочитая деление национальное. Но теперь Роберт Ильханович гонимый – правда, он своих врагов не боится, а они его боятся. У того, кто не прав, всегда есть причина бояться. В Дагестане Арсланбекова зовут эмиром, но здесь его должны звать мурзой. Пусть боятся мурзу Роберта...

Хотя официально считается, что дом Роберта Ильхановича Арсланбекова находится в районном центре – в селе Терекли-Мектеб, в действительности от дома до самого села добрых шесть километров холмистой степи. То, что считается улицей, – всего-то навсего натопанная и нахоженная, изредка даже наезженная за сотню с небольшим лет дорога. Этот дом построил его дед, который жил с младшим своим сыном Ильханом, а потом жил Ильхан с младшим своим сыном Робертом. Но таков уж быт ногайцев. Они привыкли к простору и не любят тесноты и суеты. Дома у них всегда расположены далеко друг от друга. Раньше стояли юрты, теперь большинство живут в домах, хотя и сейчас, в двадцать первом веке, можно кое-где встретить юрту. Ногайцы традиции и привычки старших уважают. Конечно, райцентр в районе существует. И похож он на обычные райцентры по всей, пожалуй, России. Такие же улицы, такие же дворы, такие же дома. Может быть, кому-то это даже по сердцу придется, когда вокруг много людей, но все же настоящие ногайцы живут в стороне от больших скоплений людей и только изредка выезжают в крупные населенные пункты, чтобы купить себе чая, сахара, крупы, муки и продать или, что чаще, сдать перекупщикам мясо и шерсть. Правда, кто ближе живет, тот и на работу в райцентр ходит. Как, например, ходил когда-то Роберт Ильханович. Иногда ходил, иногда ездил верхом, иногда – летом – на велосипеде. Был у него и свой мотоцикл, но ездить на мотоцикле Роберту Ильхановичу не нравилось. Мотоцикл слишком шумное средство передвижения. Едешь на мотоцикле и степь не слышишь. А степному человеку необходимо ее слушать. Эта степная тишина питает каждому степному человеку душу. Лучше уж лошадь. В школьном сарае у директора было специально стойло для лошади сделано. На лошадях иногда и кто-то из учащихся старших классов приезжал на занятия. Но для их лошадей стойла не делали, они просто к коновязи рядом со школой своих лошадей привязывали. И на переменах к ним выходили. Лошадь для ногайца – самый вер-

ный друг. Человек таким другом быть никогда не может. Человек так любить не умеет, как животное. Директора школы Роберта Ильхановича даже обвиняли в том, что он поощряет поездки детей в школу на лошадях. Но он поощрял, несмотря на косые взгляды начальства разных уровней, считая, что для ногайца привычка к седлу важнее привычки к сидению в автобусе. Конечно, школьные автобусы тоже были и собирали в школу самых маленьких, кто еще с лошадью управиться не мог. Но к тем, кто приезжал на лошади, директор школы относился иначе, чем к остальным. И его пример стал заразительным. Точно такая же ситуация скоро сложилась и в районном педагогическом колледже, где народные традиции тоже уважали.

И еще директор школы учил детей стрелять из лука. Как его в детстве учил отец, так и он учил своих учеников. Три раза в неделю проводил занятия в спортивной секции и сам с ними тренировался. Лук и лошадь создали ногайца – эта истина пришла из древности, и никакой автомобиль, никакой компьютер не в состоянии изменить человека, если он уважает своих предков. А потомок Чингисхана своих предков уважал всегда. Так его отец воспитывал с самого детства. Теперь отца не стало, а Роберт Ильханович не успел приехать на похороны. Он приехал только на могилу отца, чтобы проститься с ним. Простился по-мужски, без слез, но и без спиртного, хотя в последнее время многие мусульмане переняли это нехорошую привычку у северных соседей. Печаль в душе должна жить, ее нельзя заглушать алкоголем.

И забрал из дома лук со стрелами...

Звук двигателя автомобиля диссонировал со свистом степного ветра. Ветер в ногайской степи всегда восточный и обычно бывает сухим, хотя дует с Каспия. Но по дороге к степи проходит через другой район Дагестана и теряет свою влажность, хотя не теряет силу и часто называется штормовым. Звук двигателя своим неестественным рычанием сбивал с ритма даже порывы ветра. Даже не оборачиваясь, Роберт Ильханович сразу определил, что едет «уазик», предположил, что это полицейская машина. Может, кто-то увидел его издали, узнал и его, и лошадь и позвонил в полицию. Его вороного жеребца по кличке Ветер все соседи, да и не только они, хорошо знали, хотя в последнее время видели редко. Не слишком высокий, но обладающий длинным сильным корпусом, Ветер был быстр и не ведал усталости. Он готов был посоревноваться в скачке с кем угодно, хоть с автомобилем. Тем более что автомобиль ехал не по дороге и не со стороны Терекли-Мектеб, а со стороны дома. Значит, полицейские уже и дом навестили, убедились, что там нет человека, которого они ищут, и поехали за ним. Направление определить нетрудно.

«Уазик» постоянно нагонял всадника, и Роберт Ильханович чуть тронул пятками бока жеребца, не резко, но набирая скорость. До густых зарослей, через которые можно только проехать верхом или пройти пешком, оставалось не так далеко, однако, если скорости не добавить, машина догонит его раньше. Свободный неторопливый шаг скоро перешел в легкую рысь, потом в рысь уже достаточно быструю. Но, перед тем как пустить вороного в галоп, Роберт Ильханович все же обернулся, чтобы проверить свои подозрения. Да, за ним гнался полицейский «уазик». Роберт Ильханович помахал полицейским рукой, одновременно приветствуя их и приглашая в погоню, и пустил жеребца в галоп.

Ветер умел спорить даже с ветром...

Легенда рассказывала, как родился Чингисхан.

Его мать преследовали враги. Она гнала коня, отстреливаясь из лука, и одновременно рожала будущего Повелителя Вселенной. А когда родила, то прижала его коленом к крупу коня и продолжала скакать и отстреливаться. Новорожденный не плакал... Он чувствовал тепло тела разгоряченного коня так же, как и тепло тела матери, и это успокаивало его.

Может ли после этого потомок Чингисхана не чувствовать себя и своего коня одним целым! Да он просто права на это не имеет.

Роберт Ильханович гнал Ветра и чувствовал себя с ним одним целым. Он пригнулся к его шее, как только прозвучала первая автоматная очередь. Но пули даже не свистели над головой за спиной всадника, а пролетали, неслышимые, куда-то в сторону. Снова подтолкнув Ветра пятками, поскольку никогда не пользовался шпорами, Роберт Ильханович отпустил повод, давая коню волю, легко снял с плеча ремень автомата, чуть выпрямился, обернулся и дал в ответ подряд три короткие очереди. «Уазик» был уже недалеко, и попасть в такую большую цель было для Роберта Ильхановича несложно. Он видел, как первая очередь про-рвала металл капота, но двигатель не повредила. Автомобиль как ехал, так и продолжал ехать. Вторая и третья очереди угодили выше и оставили дыры в лобовом стекле. «Уазик» завилал, но быстро выровнял движение и темпа погони не потерял. Возможно, водитель был задет пулей, что только озлобило его и придало упорства. Может быть, и еще кому-то досталось. Если на заднем сиденье сидели трое, то пули должны были попасть примерно в этого третьего. Современные пули у автомата легкие, бронежилет не пробьют, но если они попали в открытые части тела, то у полиции уже есть потери. Это придало Арсланбекову сил. И Ветру тоже.

Из машины снова начали стрелять. На этот раз пули пролетели рядом. За себя Роберт Ильханович не беспокоился, хотя и был без бронежилета. Он беспокоился за Ветра. Если пуля попадет в лошадь, это беда, потому что раненая лошадь не скажет ничего о своем состоянии и трудно будет найти ветеринара, который сможет помочь. В тех условиях, в которых жил Роберт Ильханович, найти трудно, разве что здесь, в степи...

Но стрельба полицейских была просто жестом отчаяния. Они уже понимали, что не в состоянии догнать всадника. На их месте сам Роберт Ильханович просто остановился бы, чтобы не бросало во время движения ствол автомата, прицелился бы хорошенько и дал точную очередь. Но полицейские не сообразили сделать это. И это была их беда, а не его вина.

Ветер уже был в зарослях можжевельника, и оставалось около десяти метров до густого ивняка, растущего с двух сторон по берегам ручья, когда раздалась последняя, отчаянная и неприлично длинная очередь. Конь вздрогнул и совершил большой скачок. Значит, случилось то, чего мурза больше всего опасался: пуля достала его. Но Ветер не остановился, он пронес всадника через низкорослый можжевельник, грудью проломился сквозь густой ивняк и ступил в ручей. Ветер хорошо знал, что воду из этого ручья пить нельзя, и даже не склонил к ней голову. Можно было пересечь ручей, проехать сквозь заросли другого берега и там подняться на береговой холм, но Роберт Ильханович, сильно встревоженный ранением Ветра, повернул коня вправо, заставив его идти вверх по руслу.

Как он и предполагал, звук двигателя приблизился к береговым зарослям вплотную и там затих. Полицейские надеялись, что Роберт Ильханович решит сразу взобраться на прибрежный холм и станет для них доступной мишенью. Сам подъем для такого быстрого и сильного коня, как Ветер, занял бы минуты две, не больше. Но за две минуты можно расстрелять весь запас патронов, что имелся у полицейских. Стрелки они никудышные, тем не менее смогли же, пусть и нечаянно, ранить Ветра. Могут так же нечаянно и убить.

О себе мурза Роберт Ильханович даже не думал. Он не боялся смерти. Однажды, когда умирал его дедушка, маленький Роберт спросил старика, страшно ли умирать.

– А что такое смерть? – ответил дед. – Это переход от одной жизни к другой. Наверное, кому-то страшно, но я не боюсь, потому что знаю. Когда человек рождается, он плачет и кричит. Ему страшно. Он перешел от одной жизни к другой, к незнакомой, и потому волнуется. Он еще ребенок, ничего не знает и не понимает. А я уже не ребенок. И я новой жизни не боюсь, потому что эту прожил честно. Сама смерть никогда не бывает страшной. Страшно ожидание ее. Но опять же, если человек умеет думать, ему и это не страшно.

Слова бабушки глубоко запали в душу и остались там навсегда. Поэтому Роберт Ильханович не боялся перехода от одной жизни к другой. Он тоже никогда в жизни не подличал и надеялся, что другая жизнь примет его не хуже, чем принимала эта...

Ветер прошел по руслу ручья около тридцати метров. После очередного поворота, а поворотов здесь было множество, Роберт Ильханович остановил коня и спрыгнул с седла. Он хотел спрыгнуть сразу на берег, но одна нога соскользнула, и попала в ледяную воду. Впрочем, мурзу это не сильно волновало: он не имел склонности к простуде. Сняв с седла налучье с луком и колчан со стрелами, он перекинул через одно плечо ремень колчана, а через второе ремень налучья, а сам лук вытащил. Вытащил и сразу наложил на тетиву стрелу.

Необходимости привязывать коня не было: Ветер был хорошо обучен. Не имея такой крепкой и мощной груди, как у Ветра, Роберт Ильханович вынужден был боком протискиваться между ивняком. Но все же протиснулся и вышел в можжевельник. Разговор и мат полицейских был слышен издали. Они друг друга, кажется, были готовы расстрелять из-за того, что упустили его. Они его упустили, но он их не упустит. Обида за коня требовала отмщения.

Низкорослый можжевельник вынудил его пригнуться и добираться до места, откуда полицейские будут видны, на четвереньках. Ориентируясь по голосам, Роберт Ильханович натянул тетиву лука, быстро приподнялся, прицелился за пару секунд и пустил стрелу. Еще перед выстрелом он успел заметить, что все полицейские, а их было четверо, носили бронежилеты. Но сильный лук, будучи не способным справиться с бронежилетом, легко справлялся с человеческими костями. Стрела пробила полицейскому череп, войдя чуть ниже затылка, и вышла где-то в области глаза. Полицейские не сразу поняли, что произошло. Реакция оказалась замедленной. А потом их лица вытянулись в удивленном испуге. Это дало возможность бывшему директору школы пустить и вторую стрелу. И снова в голову. Вернее, в глаз, потому что цель стояла лицом к стрелку. Только тут двое оставшихся сообразили, что происходит, и, вместо того чтобы залечь, бегом бросились к машине. Но до машины было добрых полста метров. Следующая стрела ударила полицейского в копчик, пробив тело насквозь. Бронежилет без «юбки» не прикрывает низ позвоночника и крестец, а полицейские традиционно не любят пристегивать «юбку» к бронежилету, предпочитая обходиться без лишней тяжести.

В последнего противника Роберт Ильханович прицеливался дольше, чем в других, даже рука от усталости задрожала, и это, наверное, помешало сделать прицельный выстрел. Стрела только скользнула по голове, оторвав полицейскому оттопыренное ухо. Тот упал, но быстро поднялся и стал от живота поливать длинными неприцельными очередями можжевельник и ивняк. Теперь Роберт Ильханович, не желая утомлять руку долгим натяжением, выстрелил так, как учил его отец. Этот метод стрельбы вообще-то рекомендуется для всадников, но никто не запрещает его применять и пешему воину. При такой стрельбе пальцы правой руки придерживают тетиву, а левая выбрасывает вперед сам лук. При этом указательный палец предпочтительно держать так, чтобы он показывал туда, куда следует попасть. Сейчас палец показывал на лицо последнего полицейского. И стрела попала точно туда, куда хотел мурза. Последний противник упал.

На всякий случай Роберт Ильханович наложил на тетиву еще одну стрелу и двинулся вперед. Первые двое полицейских признаков жизни не подавали. Сначала он хотел вытащить из убитых стрелы, но потом понял, что их придется просто обламывать, иначе не вытащить, и обломал наконечники и оперение. Новые стрелы сделать он сумеет сам. Последние двое были тоже мертвы, и Арсланбеков поступил со стрелами точно так же. И только после этого подошел к машине и открыл дверцу. На заднем сиденье сидел пятый полицейский. Этому досталось несколько пуль в голову, когда Роберт Ильханович отстреливался на скаку.

С погоней было покончено. Пора продолжать путь. Соратники ждали возвращения своего мурзы, хотя они и звали его не мурзой, а эмиром. Но они будут звать его так, как он скажет. В этом Роберт Ильханович не сомневался...

Полицейские склады вооружений расположились с угла большого хозяйственного двора областного управления МВД. Вообще на территории этого двора много чего располагалось. Здесь был и строительно-монтажный участок МВД, вместе со своими мастерскими и складами, и автоколонна МВД, и ремонтная база автоколонны, и отдел снабжения, и еще куча всяких подразделений, которым не нашлось места в главном здании и которым по долгу службы было удобнее располагаться на окраине областного центра. Днем здесь всегдалюдно и светло, но в нерабочее время вся территория поступала в распоряжение роты охраны, которая склонности к суете не имела, спокойно занималась своим делом и никого на территорию не впускала и не выпускала. Автоколонна МВД имела собственные ворота, и по мере необходимости бывало, что и ночью, машины выезжали за эти ворота, минуя территорию общего двора.

Рота охраны не была полноценной ротой, поскольку состояла всего из ста шести человек вместе с командиром и командирами взводов. Но этого хватало на три традиционные смены. Караул осуществлялся по армейским нормам. То есть дежурить часовым приходилось по два часа, после чего их сменяли и отправляли отдыхать, а через следующие два часа эта смена становилась «бодрствующей», то есть ждущей своей очереди для нового заступления на посты. Обязательность «бодрствующей» смены обуславливалась тем, что сразу после сна часовой еще не все понимает и плохо соображает, потому «бодрствующей» смене спать запрещалось. Впрочем, призванные на службу полицейские давно уже научились спать с открытыми глазами, и вся «бодрствующая» смена выходила на дежурство в полусонном состоянии. Это, впрочем, никого не волновало, поскольку традиционно считалось, что люди, которых полиция может задержать, будут по возможности держаться от нее подальше.

Смена часовых только что прошла, и разводящий со снятой с постов сменой только только успели вернуться в караульное помещение, когда на улице, рядом с бетонной стеной хозяйственного двора, появился всадник. Он ехал неторопливо и тоже, кажется, дремал в седле, по крайней мере голову держал опущенной. Вид всадника часового на угловой вышке не удивил. Здесь все-таки казачий край, время от времени можно даже на центральной улице областного центра встретить верховых казаков, задористо поигрывающих своими нагайками.

Часовой с угловой вышки сам был с Урала. Там тоже ходили по улицам казаки, только верхом не ездили. Шашки они гордо придерживали левой рукой, а в правой тоже держали нагайку как символ чего-то непонятного. Если бы это была власть, то в руках следовало иметь «державу», если это был какой-то символ, то правильно было бы дать этому символу какую-нибудь рекламу. Скорее, нагайка в руках уральских казаков выглядела только атрибутом костюма, поскольку вместо лошадей казаки пользовались автомобилями, которые нагайкой подгонять бесполезно. За эти костюмы с лампасами и с нагайками казаков там и звали ряжеными. Потому у часового на вышке отношение к местным казакам было слегка высокомерное. Вот он и посчитал, что уделять внимание всаднику для него, держащего в руках настоящий автомат с боевыми патронами, слегка унижительно, и отвернулся, показывая собственную невозмутимость и равнодушие. Но часовой зря так поступил. Едва он отвернулся, подставив взгляду всадника свою спину, как в руках у того откуда-то сбоку появился лук, стрела легла на тетиву и через несколько секунд запела, разрезая воздух. Часовой упал на перила своей вышки. Но перила были высокие, и он не перевалился через них, а тихо, без стука, сполз на пол.

Всадник тем временем оглянулся, молча поднял руку, и тут же из кустов по другую сторону дороги выскочили несколько человек в камуфляже и с оружием в руках. Не дожидаясь, когда они преодолеют полсотни метров, всадник снял с седла веревку с небольшим якорем, скрученную в кольцо, раскрутил над головой и забросил якорь на перила вышки. Тут и помощники его подбежали. Всадник быстро передал конец веревки кому-то из них, закрепил на спине лук в налучье, на боку – колчан со стрелами, спрыгнул с коня и отдал повод одному из помощников, судя по виду мальчику лет пятнадцати-шестнадцати. Тот легко вскочил в седло, но не поскакал, а так же спокойно, как раньше сам всадник, повернул за угол и поехал вдоль забора.

– Начинаем, мурза? – спросил один из подбежавших.

– Я, Бийтулла, кажется, уже начал, – спокойно ответил Роберт Ильханович, подергал веревку, проверяя лишний раз ее прочность, и, уперевшись ногами в стену, стал перебирать руками, поднимаясь вверх. Ножницы по металлу, чтобы разрезать колючую проволоку, ему не понадобились, поскольку веревка помогла просто перешагнуть через кольца «колючки», оттолкнуться от забора и, как на качелях, добраться до лестницы вышки. Ухватившись за перила, Арсланбеков перебрался на лестницу и дернул тот конец веревки, который держали его помощники. Веревка сразу стала вытягиваться за забор. Через пару минут к Арсланбекову присоединился первый помощник, следом за ним, уже через десять минут, за забором оказались все.

– Ваап, второй склад по правой стороне, – распорядился мурза Роберт. – План сигнализации не забыл?

– Зачем он мне... – сказал Ваап Эбзеев, который первым перебрался вслед за Арсланбековым. Он сам когда-то разрабатывал в институте системы сигнализации и уверял, что нет такой, которую он не сможет отключить. – Мне сигнализацию подавай... – И бегом побежал в сторону склада.

Металлическая коробка с красной лампочкой сигнализации располагалась рядом с дверью. Ваап снял с бедра пластмассовую коробку с инструментами, укрепленную там с помощью резинок, раскрыл, вытащил кусачки и несколькими движениями перекусил гофрированную оболочку проводов. Из той же коробки был извлечен еще один инструмент, похожий на щипцы, но концы этих щипцов не смыкались. Кроме того, от обеих ручек шли провода к какому-то прибору, установленному в пластмассовой коробке. Ваап по отдельности проверил каждый из трех скрученных проводов и удовлетворенно кивнул:

– Все ясно.

Из пластмассовой коробки была извлечена длинная игла с пластиковой изолированной рукояткой. Ваап вытянул из скрутки только два провода и проколол их один за другим так, чтобы игла проходила не через изоляцию, а касалась самих проводов. На торце рукоятки иглы засветилась слабая лампочка-диод.

– Готово. Работайте! – сделал он отмашку рукой остальным, уже стоящим около двери.

– Джумагелди, приступай! – распорядился мурза.

Джумагелди Пшеунов, бывший капитан милиции и одновременно вор, много лет удачно совмещавший обе профессии, не исключаящие, как оказалось, а только помогающие одна другой, большой специалист по работе с отмычками, шагнул к двери, вытаскивая из кармана целую связку своих инструментов, нацепленных на большое кольцо. С большим навесным замком, впрочем, возиться не стали, его просто сорвали ломом, позаимствованным с пожарного щита, расположенного здесь же. Оставались еще два внутренних замка. Ими и занялся Джумагелди. Работа много времени не отняла, и двойные двери склада вскоре распахнулись. Мурза Роберт сначала вошел в склад и только потом включил фонарик. Но смотрел он не по сторонам, а в бумажку, в которую светил, и показывал, куда идти.

– Сюда. Стеллаж номер шестнадцать – шесть ящиков с пластитовым шнуром. Дальше... Стеллаж номер восемнадцать – шесть маленьких ящиков со взрывателями. Три из них зеленые, три – синие. Это разные взрыватели. Стеллаж номер семнадцать. Шесть мешков с чистым гексогеном².

Ящики быстро выносили и ставили за углом склада. Ящики с пластитовым шнуром оказались тяжелыми, и нести их пришлось по двое. Даже сам Роберт Ильханович не постеснялся физической работы и носил вместе со всеми. Но маленькие ящики со взрывателями можно было носить и одному. Работу закончили быстро. Все было уложено аккуратно и с учетом того, что должно было происходить дальше.

– Базарбай, твоя очередь... – сказал Роберт Ильханович.

Базарбай Кабардаев, бывший подрывник в дорожно-строительном управлении, а ныне штатный подрывник джамаата Арсланбекова, приступил к заранее продуманному действию. Он не вскрывал новые ящики, а принес взрывное устройство собственного изготовления с собой. Пятью ударами лома, которым раньше срывали замок с дверей склада, он продолбил мерзлую землю под стойкой забора, заложил взрывное устройство, установил в него взрыватель натяжного действия и привязал к «усику» тонкий шпагат. «Усик» достаточно было отклонить на пятнадцать градусов, чтобы произвести взрыв. Стандартные взрыватели требуют в два раза большего отклонения «усика», но Базарбай штатный взрыватель переделал и сделал более чутким.

– Готово, мурза.

– Страховка! На позицию!

Два бойца бегом побежали между складами и через пятьдесят метров залегли под эстакаду, с которой производилась разгрузка и погрузка со складов. Этим двоим выпала сложная работа. Требовалось блокировать и не подпустить караул, который наверняка среагирует на взрыв, чтобы дать возможность товарищам вынести и погрузить в машину похищенные ящики. А после этого необходимо было отступить под прикрытием других бойцов джамаата и присоединиться к ним.

Роберт Ильханович дал отмашку рукой. Знак был всем понятен. Бойцы попрятались за склады и под эстакады. Кабардаев обернулся, проверяя общую готовность, сам присел за углом и потянул за шпагат. Взрыв получился звучным. Даже более звучным, чем ожидал Арсланбеков. Наверное, в окна жилых домов в округе стекла повывлетали. Да и по складу ударило и взрывной волной, и осколками бетона. Сразу на всех складах сработала сигнализация, а где-то в стороне ворот, видимо в караульном помещении, завывла с переливами сирена тревоги.

Мурза Роберт бросил в проход между складами дымовую гранату. После первого взрыва ее взрыв показался совсем безобидным. Но теперь караул, когда пойдет в атаку, в дыму не будет видеть, что здесь происходит, и стрелять ему будет трудно. Граната горит и дымит шесть минут. Через пять минут потребуются взорвать вторую. Этого времени должно хватить, чтобы вынести все ящики.

Даже не выглянув за поваленные звенья бетонного забора, Арсланбеков взялся за ящик. Схватились за них и другие. Когда приблизились к пролому, с той стороны подбежали еще шесть человек. Грузовик с выключенными фарами, но с включенным двигателем стоял здесь же. Ящики выносили и укладывали в кузов. В это время началась стрельба в проходе. Дважды ухнул РПГ-7. Бойцы страховки стреляли осколочными гранатами. Два таких выстрела должны остановить движение караула, но за взрывами гранат сразу последовала активная автоматная перестрелка.

² Между пластитом и чистым гексогеном существует разница, потому что гексоген является еще и основной составляющей многих взрывчатых веществ. Так, в знаменитом пластите «Состав С-4» более девяноста процентов гексогена.

Но погрузка уже заканчивалась, и мурза, взорвав вторую дымовую гранату, крикнул:
– Прикрытие! На позицию!

Сразу четверо бойцов проскочили через дымовую завесу и включились в перестрелку. Несколько раз филинами ухнули подствольники. Но из подствольников стреляли явно не полицейские караульной роты. У караульной роты задача была очень сложная. Они не могли себе позволить стрелять по пространству, поскольку знали, что в углу находятся склады со взрывчатыми веществами. Сами караульные залегли рядом с оружейными складами. Там взрываться было нечему. А если взрыв произойдет на складе взрывчатых веществ, весь склад вместе с охраной и все стоящие неподалеку дома войдут в зону поражения. Именно потому Базарбай Кабардаев по приказу мурзы Роберта так ставил взрывное устройство, чтобы оно только забор свалило. Никаких поражающих элементов взрывное устройство не имело. Просто фугасный заряд, разрушающий то, что следовало разрушить. И все равно осколки бетона полетели в стены. Где-то, наверное, и проломили тонкие доски-фальцовки, но в целом склад, видимо, имел более прочное внутреннее покрытие, и поэтому все обошлось благополучно.

– Отходим! – крикнул мурза Роберт в дымовую завесу, выбрав момент, когда не было слышно автоматных очередей.

Уже через несколько секунд появились его бойцы. Сначала вышла страховка, следом за страховкой и прикрытие. Все остальные уже сидели в машине.

При переходе поваленного забора, уже по ту его сторону, Арсланбеков положил на бетон лист бумаги и придавил его камнем. Оставил автограф. Пусть менты боятся...

Дело было сделано. Можно ехать.

– Раненых нет? – спросил Роберт Ильханович, когда последний боец запрыгнул в грузовик.

– Нет, мурза, все целы. Хорошо отработали.

– Хорошо, – согласился Арсланбеков и бегом побежал в кабину.

Машина тронулась, резко набирая скорость...

Командир роты спецназа ГРУ капитан Чанышев ездил в Москву сдавать в научно-исследовательский институт опытный образец генератора, с помощью которого не просто контролировалась, но и направлялась деятельность бандитов. Сначала на испытаниях присутствовал и один из авторов этой мощной разработки – Игорь Илларионович Страхов, профессор, военный психотерапевт, полковник, и первый этап испытания из-за технических проблем и проблем комплектации проводил сам профессор. Но в дальнейшем, когда технические проблемы были решены, комплектация завершена, а предстояло провести еще два этапа испытаний, профессор Страхов уехал в свой институт, и с генератором работал сам командир роты и командиры взводов его роты, тоже прошедшие обучение³.

Генератор, без всяких сомнений, являлся великим изобретением и мог бы перевести практически многие боевые действия на Северном Кавказе в мирное русло. Но были после испытаний и существенные замечания. И самое главное из них – незащищенность оператора и тех, кто рядом с ним находится, от излучения своей же аппаратуры. Конечно, генератор на них не направлен. Вернее, волну направляет не генератор, а входящий в комплект транслирующий локатор. И, казалось бы, самые тяжелые последствия, которые выявились сразу, – это временное недомогание и головная боль. Но это, как оказалось, было только началом неприятностей. Шапочка из фольги, надеваемая на голову во время испытаний, вроде бы должна была защитить присутствующих. Наверное, в какой-то степени она и защищала, однако не полностью. Головная боль и сильная сонливость возникали сразу после испытаний. Потом боль проходила, человек высыпался и все вроде бы нормализовалось. Но уже через пару

³ Действие романа «Инфернальный случай».

дней к участникам эксперимента подступала мощнейшая физическая усталость, делающая их почти небоеспособными, снова приходила головная боль вместе с сонливостью. И держалось такое состояние около недели. А выводить на неделю из строя солдат и офицеров, занятых выполнением боевого задания, – это слишком опасно. Кроме того, были неизвестны дальнейшие последствия эксперимента. Все это и еще кое-какие замечания были записаны в отчете об испытаниях и отзыве о генераторе. В институте Валерий Николаевич снова встретился с профессором Страховым, который, прочитав отзыв, слегка смутился:

– Почему же у меня ничего подобного не было? Может быть, только легкая головная боль, и все, ни сонливости, ни физической усталости. Хотя здесь, возможно, организм уже адаптировался к подобным влияниям, я слишком много времени провожу рядом с такой техникой. Это возможный вариант. Но у нас уже возникала мысль о дистанционном управлении генератором. Вплоть до того, что генератор и локатор стоят где-то там, а оператор сидит в стороне на безопасном расстоянии. Или даже в другом городе. Но в любом случае, Валерий Николаевич, спасибо вам огромное. Надеюсь, еще встретимся и продолжим сотрудничество. Вы когда уезжаете? В гости ко мне не заглянете? Домой приглашаю, не сюда...

– Не могу знать, товарищ профессор. Я сейчас в головное управление еду. Что там командование прикажет...

– Понятно. Дело военное. Ну, если что, звоните...

Из институтской лаборатории Валерий Николаевич поехал напрямик в ГРУ. Ехал он на микроавтобусе, уже опробованном в перевозке генератора, и за рулем сидел сам. Однако, едва микроавтобус въехал на МКАД, как капитану позвонили. Определитель показал смутно знакомый номер, но вспомнить, кому он принадлежит, так и не удалось.

– Капитан Чанышев. Слушаю вас.

– Здравствуй, Валерий Николаевич. Полковник Симагин, если помнишь такого.

Полковник Симагин возглавлял в диверсионном управлении ГРУ отдел перспективных вооружений и был одним из тех, кто отправлял Чанышева на испытания генератора. По телефону командир роты беседовал всего однажды, около месяца назад, и потому, видимо, номер в памяти осел, но после того единственного разговора связываться не желал.

– Так точно, товарищ полковник. Помню.

– Ты где сейчас?

– Сдал генератор в институт. Еду к вам в управление. Только что выехал через Реутов и шоссе Энтузиастов на МКАД.

– Понятно. Можешь к нам не ехать, все равно придется возвращаться. Сейчас доезжай до Щелковского шоссе, сворачивай в сторону выезда из города, по шоссе после дома номер девяносто восемь будет поворот направо. Улица Западная, хотя находится к востоку от Москвы. Не смущайся, она западная относительно Балашихи. Поворачиваешь и метров через сто останавливаешься. Мы скоро подъедем. Я тебя в другой институт отвезу. Ты нашу машину знаешь. Точно такой же микроавтобус, как у тебя. Увидишь, я рукой махну, выезжай и пристраивайся сзади. Все точно понял?

– Понял, товарищ полковник. Улица Западная.

– А после института поедem к командующему. Тебе особое задание будет. Испытывать новое оборудование будешь при выполнении этого задания. Твой комбат в курсе. Он уже готовит для тебя на месте все необходимые данные.

– Я понял, товарищ полковник.

– И отлично. До встречи.

– До встречи, товарищ полковник.

МКАД была сильно загружена движением, и ехать пришлось медленно. Та же ситуация наблюдалась и на Щелковском шоссе. Указанное место капитан Чанышев нашел легко. Проехал около ста метров и остановился. Здесь движение было уже совсем никакое по срав-

нению с шоссе, и встать у обочины можно было без проблем. Однако ждать пришлось долго. Валерий Николаевич, грешным делом, подумал, что полковник уже проехал мимо раньше и скоро позвонит с указанием, куда капитану ехать, когда зеркало заднего вида показало, как мигнули фары едущего по улице точно такого же микроавтобуса. В подтверждение того, что сигнал услышан, Чанышев завел машину и включил сигнал поворота, показывая этим, что выезжает следом. Правда, за микроавтобусом ехали подряд три машины, и ни одна из них не захотела уступить дорогу капитану. Он не стал нарушать правила и пристроился за ними. Вскоре все три автомобиля один за другим, добавив скорости, пошли на обгон и Чанышев пристроился сразу за микроавтобусом полковника...

Российская армия, как известно, любит тратить деньги на ненужные вещи и любит экономить на всем другом. В частности, на проектах, которые всегда стараются сделать типовыми, чтобы не платить за каждый по отдельности. Научно-исследовательский институт, в который они приехали, был точной копией того, где работал профессор Страхов, хотя и имел какие-то, только глазу опытного наблюдателя заметные, отличия. Например, трубы вентиляции, торчащие из-под земли. Судя по дистанции от первой трубы до последней, капитан Чанышев предположил, что подземное сооружение достаточно большое по длине, никак не меньше сотни метров. Естественно было предположить, что это тир.

Лаборатория располагалась в таком же корпусе, как и лаборатория Страхова, и даже в таком же левом крыле. Правда, когда проходили через нижний зал, чтобы подняться на второй этаж в кабинет руководителя лаборатории, Валерий Николаевич не заметил клеток с крысами. Здесь было больше столов с компьютерами, за которыми сидели сотрудники, отделенные один от другого стеклянными перегородками.

В кабинете руководителя лаборатории профессора Крейцера имелось одно окно, выходящее в нижний рабочий зал, и, наверное, из этого окна, со стороны зала, покрытого зеркальной пленкой для создания односторонней видимости, он заметил приход гостей и вышел встретить их чуть ли не на лестницу. С полковником Симагиным профессор поздоровался как со старым знакомым, а на капитана Чанышева посмотрел очень внимательно и оценивающе. На профессоре был мундир полковника, но это, видимо, больше соответствовало его должности, чем призванию, поскольку армейской выправки в Крейцере заметно не было и командных ноток в голосе не чувствовалось.

– Прошу... – пригласил Крейцер в свой обширный кабинет. – Присаживайтесь кому где удобнее. Так это, значит, и есть главное лицо наших грядущих испытаний? – спросил он полковника Симагина, продолжая при этом внимательно рассматривать капитана Чанышева, на которого должен был положиться в важном деле своей лаборатории.

– Так точно. Капитан Чанышев недавно сотрудничал с профессором Страховым. Насколько я понимаю ситуацию, полковник Страхов остался доволен испытателем, так он мне недавно говорил. Профессор даже оставил свою аппаратуру после первого этапа на попечение капитана, а сам в Москву по срочным делам вернулся. Доверил свое детище...

– Да, его аппаратуру не каждому доверить можно, – согласился Крейцер. – К сожалению, я не готов к участию в испытаниях. Хотя и ношу военный мундир, тем не менее человек я сугубо гражданский и звуки боя вызывают у меня страх. Я даже в тир из-за этого не хожу. Панически всякой стрельбы боюсь...

– Тем не менее делаете стрелковое оружие, – улыбнулся Симагин.

– Извините, Петр Ярославович, я стрелкового оружия не делаю, – возмущенно фыркнул профессор. – Я делаю только цифровые видеосистемы, цифровые прицелы, системы видеоконтроля и прочее похожее. Это большая разница. И в связи с этим я хочу задать вопрос товарищу капитану. Как вас по имени-отчеству величать?

– Валерий Николаевич.

– Меня зовут Вячеслав Якобович. Не Яковлевич, а Якобович. Это мне более привычно, чем армейское обращение. Итак, первый вопрос к вам, причем возник он не с потолка. Мне говорили, что спецназ не любит воевать в шлемах. Это правда?

– Правда. Вот лично мне каска всегда мешает. Я ее даже в командировку с собой не беру.

– А чем обходитесь?

– Предпочитаю обыкновенную вязаную шапочку армейского образца. Зимой под нее надеваю дополнительно войлочную шапочку из собачьей шерсти. Это хорошо утепляет.

– У вас какая собака?

– Никакой.

– А шерсть...

– Жена у соседей берет. У них ньюфаундленд. Говорят, только три породы собак обладают лечебной шерстью: самая лучшая шерсть у ньюфаундленда, еще неплохая у колли и у сенбернара. Остальные только греют, но не лечат. Мне жена сделала войлочную шапочку после контузии. Сначала просто повязку, потом и шапочку. Носил по необходимости, чтобы голова не болела. Помогало. Потом обнаружил, что эта легкая шапочка теплее любой меховой. И уже привык. А летом только повязку ношу, а поверху бандану.

– Придется, капитан, привычкам изменить. Или вообще их менять, – категорично, в приказном порядке сказал полковник Симагин.

– Если есть необходимость, я готов, товарищ полковник, – согласился Чанышев.

– Да, придется, – поддержал полковника профессор Крейцер. – Я понимаю вашу привязанность к войлоку. Это у вас, наверное, на генетическом уровне...

– То есть? – не понял Симагин.

– Средневековые монгольские воины носили и шлемы, и доспехи из войлока, – объяснил профессор. – Насколько мне известно, старинные русские дворянские фамилии Чаадаев, Чанышев и Карамзин берут свои корни от потомков Чингисхана. Насчет Карамзина я не уверен может он просто происходит от Кара-Мурзы, а Чаадаевы и Чанышевы – точно от Чингисхана. Значит, капитан Чанышев – чингисид, и у него в генах хранится устойчивая привязанность к войлоку.

– Да, – согласился капитан. – Наша фамилия пошла от хана Чаныша, перешедшего на службу к русским князьям. Чаныш в переводе с тюркского – «сын волка». После Чаныша мои предки еще два века считались татарами – тогда не делалось разницы между татарами и монголами, а потом один из предков, Сулейман Ибрагимович, получил княжеский титул. После этого наша татаро-монгольская кровь подпитывалась только русской кровью, и все остальные Чанышевы уже считались русскими. А войлок и я правда люблю. У меня даже в личной машине чехлы войлочные.

– Интересная ситуация получается... – задумчиво произнес полковник Симагин.

– Чем интересная?

– Это не относится к вопросу испытаний. Вернее, имеет к нему только касательное отношение. Но о странности ситуации разговор следует вести с командующим войсками спецназа ГРУ полковником Мочиловым. Мы от вас к нему едем...

– Но испытаниям это никак не помешает?

– Не помешает. Точно так же, как не должен им помешать войлок.

Профессор снова повернулся к Чанышеву:

– Да я не против, если вы будете надевать войлочную шапочку под шлем. Тем более эта шапочка лечит. Я сам собачник и знаю, что такое собачья шерсть. Пояс ношу постоянно. Из шерсти моей колли. Так что я не возражаю. Но шлем – обязательно. Не тяжелую металлическую каску, от которой шея, как я понимаю, устает и нарушается кровообращение головного мозга, а кевларовый шлем. Он и легче, и прочнее, и с пулей справляется лучше. И –

функциональнее. Это главное. Наш шлем готовится для системы оснастки воина «Ратник». Слышали про такую систему? Мы только недавно завершили работу над наглазным тепловизорным устройством для шлема «Ратник», и теперь вам предстоит испытывать весь комплекс: шлем, прицел, внутришлемные системы связи, внутришлемный компьютер, тепловизионный наглазник и все сопутствующие элементы. Их немало, и все подробно описаны в инструкции по пользованию. Наши специалисты старались описывать доступно, чтобы разобрался даже самый несообразительный и малообразованный солдат. У нас таких еще хватает...

– Мы таких стараемся к себе не брать, – заметил капитан.

– Тем более. Но костюм «Ратник» предназначен не только для спецназа. Пока мы отослали на ваш адрес комплекты на два взвода. Для испытаний этого должно хватить. Я вам передам перечень вопросов для составления отчета. На каждый вопрос требуется написать подробный развернутый ответ. А пока... – Профессор посмотрел на полковника Симагина и закончил: – Пока предлагаю командиру роты опробовать шлем и автомат в тире. Это, конечно, не боевая обстановка, но тем не менее где-то получать первичные навыки необходимо. Идем, Петр Ярославович?

– Идем, – поднялся полковник Симагин.

Капитан Чанышев не удивился, что пошли они именно туда, где он и предположил наличие тира. В принципе, это было не слишком и сложно, хотя в военном научно-исследовательском институте под землей мог находиться и какой-нибудь цех, и лаборатория с особо засекреченным режимом. Но в подобных тирах капитан Чанышев бывал уже много раз, и в этот раз интуиция его не подвела. Даже вход здесь был стандартный для многих аналогичных сооружений Министерства обороны. Будка входа на лестницу, как обычно, была замаскирована под большую поленницу березовых дров, а на крыше поверх зацементированных поленьев валялось несколько совсем свежих, настоящих, слегка присыпанных редким в этом году снежком.

За дверью никого не было. Бетонные стены «поленницы» были настолько толстыми, что внутри казалось невозможно установить даже стол для дежурного. Вниз вела лестница, не слишком крутая, в три с половиной пролета. А вот внизу уже был дежурный. И даже не один. Дежурный солдат сидел на стуле перед мощными двойными металлическими дверьми со сложной системой запираения, что само по себе уже говорило о том, что тир планировалось в случае какой-то угрозы использовать по иному назначению. А чуть в стороне от дежурного за обыкновенным письменным столом сидел пожилой вислоносый майор, который, как и дежурный, встал при входе двух полковников и капитана, демонстрируя свой округлый животик.

– Здравия желаю! Что, Вячеслав Яковович, как и договаривались? – спросил майор с откровенным западноукраинским акцентом.

– Да, Олег Богданович. Все готово?

– Так точно.

– Тогда передаю вам с рук на руки капитана Чанышева.

Майор тяжелой поступью прошел в тир. Капитан Чанышев за ним, а следом двинулись и оба полковника. В торцевой части тира, как и положено, располагался огневой рубеж, снабженный в каждой из полос смотровой трубой и тросовым механизмом подачи мишеней. Смотровая труба и тросовый механизм подачи мишеней, казалось бы, исключали друг друга или хотя бы взаимозаменяли. Для чего было установлено и то и другое, капитану Чанышеву было непонятно. На письменном столе, рабочем месте майора, лежал кевларовый шлем с толстым, слегка затемненным стеклом и наглазником для правого глаза. Наглазник поднимался вверх и не мешал, когда хотелось просто смотреть невооруженным глазом. Там же,

на шлеме, были и какие-то другие приспособления, пока непонятного капитану назначения. Здесь же лежали перчатки, от которых тянулись провода к шлему, и компактный автомат 9А91 с небольшим монитором, установленным на ствольной коробке.

Профессор что-то шепнул на ухо полковнику Симагину, и оба они с интересом стали следить за капитаном. Майор приглашающим жестом показал на стол, а сам с помощью тросового механизма подачи начал подгонять к огневому рубежу крепления для мишеней. Чанышев заметил, что майор вывесил по три мишени – на рубежи двадцати пяти, пятидесяти и ста метров – и повернулся к столу, не зная, что ему следует использовать изначально. И, пока никто не объяснил капитану что к чему, он взял в руки автомат, рассматривая монитор на нем.

Полковники сразу шагнули ближе к столу. Профессор улыбался:

– Я вот только что говорил Петру Ярославовичу, что, если капитан сначала возьмет в руки шлем, значит, он в душе исследователь, если возьмет в руки автомат, значит, он в первую очередь офицер спецназа.

– Конечно, я в первую очередь офицер спецназа, – согласился Чанышев.

– Нам и то и другое важно. Поскольку офицер спецназа начал рассматривать не само оружие, а монитор, вы и исследователь тоже. – Крейцер хотел, кажется, навязать Чанышеву свою мысль.

– Автомат этот я знаю, воевал с таким, – признался Валерий Николаевич. – Только без монитора. Потому монитор и вызвал интерес.

– Ну что, начнем? А то скоро на обед идти. – Майор подошел сзади, и Чанышев, не оборачиваясь, почувствовал, как он гладит свой округлый живот.

– Да, пора уже, – поторопил и полковник Симагин, взглянув на часы. – Нас командующий ждет. Давайте будем приступать.

Профессор Крейцер согласно кивнул.

Задачу ставил начальник тира:

– Три пробные попытки стрельбы очередями по первой мишени на дистанции сто метров, чтобы определить уровень самого стрелка. Без всяких облегчающих стрельбу приспособлений. Потом выключается свет, надевается шлем, и стрельба ведется через тепловизионный наглазник. Мишень на дистанции двадцать пять метров специально снабжена для этого источниками тепла, рисующими человеческий контур. После первой попытки дается вторая, вторая мишень тоже снабжена источниками тепла. Стрельба в третьей попытке осуществляется уже с пояса через монитор шлема, для чего вызываете на монитор прицельную программу. Две следующие попытки с дистанции пятьдесят метров – с теми же условиями. После этого одна попытка на пятьдесят метров и две на сто метров даются на упражнение «стрельба из-за угла».

Что это за стрельба, капитан Чанышев понятия не имел, но догадывался, что ему все объяснят. Более того, уже подозревал, что придется использовать монитор, установленный на ствольной коробке, который будет показывать и мушку, и прорез в прицельной планке.

Первую задачу Валерий Николаевич выполнил без задержки, чем даже вызвал хмулость на мясистом лице начальника тира.

– Куда торопитесь... – проворчал майор. – Разве трудно нормально прицелиться... – Но, приложившись к смотровой трубе, удовлетворенно хмыкнул: – А что, вполне недурно. И очень кучно для короткоствольного автомата. Тем более с такой скоростью прицеливания.

Что касается кучности, то тут и у самого Чанышева сомнений не было. Он стрелял очередями по два патрона. Автомат при этом не успевало увести в сторону. Если бы очереди были стандартные, как учат стрелять во всей армии, то есть по три патрона на очередь, такой кучности не могло бы быть. Короткоствольное оружие всегда уводит вверх и влево сильнее, чем длинноствольное.

– Ладно, поехали дальше...

– Далеко? – пошутил капитан.

Олег Богданович не отреагировал.

Чанышеву дали в руки шлем, показали, как подтягиваются ремни внутреннего каркаса, которым шлем подгоняется под размер головы. Он подогнал. Затем ему выдали перчатки и подключили провода к шлему.

– При полной правильной экипировке провода пропускаются через рукав и выходят через воротник, – объяснил Олег Богданович. – Ладонь левой руки – своего рода тачскрин, указательный палец правой – стилус. Опускаете защитное стекло на шлем – это ваш монитор. Замыкаете большой и средний пальцы – включается компьютер шлема. Пользуетесь тачскрином и стилусом – включаете тепловизор. После этого можете сам компьютер выключить или повторным соединением большого и среднего пальцев, или просто подняв свое забрало. Тепловизор все равно включен и будет работать независимо от компьютера. Итак... Поднимаете стекло-монитор, опускаете тепловизор, прижимаете наглазник к глазу, я выключаю свет, вы стреляете.

Капитан Чанышев выполнял действия, лишь незначительно отставая от указаний майора, и все же успел удивиться:

– Как быстро компьютер загружается!

– Три месяца над этим бились, – признался профессор Крейцер. – Сделали все же...

Забрало ушло вверх. Наглазник прижался к глазу. Майор выключил свет. Видимо, и мушка автомата, и прицельная планка тоже были смазаны каким-то раствором и светились в тепловизоре, как и отделенная мишень. Стрельба была такой же быстрой и качественной, как в первом упражнении, но более точной, если учесть, что дистанция была в четыре раза меньше. Пули калибра девять миллиметров разворотили весь центр мишеней. Майор включил свет и прильнул в окуляр трубы.

– Не мое дело оценки ставить, но могу только похвалить.

Выведение на монитор прицела автомата много времени не заняло. Стилус только коснулся тачскрина в нужном месте, и прицел встал перед глазами в более крупном размере, чем при взгляде обычным методом, без приборов. Но крупный размер позволял и лучше прицеливаться. Правда, не сразу удалось свести у пояса мушку и прорезь прицельной планки, но уже с нескольких попыток появилась координация, которая помогла все сделать правильно. А в остальном это оказалось делом простым. Стрельба с дистанции двадцать пять метров была по качеству такой же, как стрельба с помощью тепловизора. Немного ухудшился результат и при стрельбе с пятидесяти метров. Короткие очереди клали пули в центральный темный круг мишени. И даже когда дистанция увеличилась вдвое, Чанышев отстрелял лучше, чем вообще без электронных помощников. Необходимость таких помощников переоценить было трудно.

Что представляет собой последнее упражнение, капитан примерно догадывался. Но теперь ему уже не понадобился компьютер шлема и тепловизор, роль угла взял на себя Олег Богданович, из-за большого живота которого Валерий Николаевич скидывал руки с автоматом, смотрел в монитор и прицеливался. Только первая очередь оказалась неудачной – капитан нарушил координацию движений. Но тут же вспомнил, как координировал свои движения при стрельбе в шлеме через прицел компьютера, и уже все последующие пули точно ложились в цель.

– Признаюсь, не ожидал такой стрельбы, – произнес Олег Богданович, в последний раз взглянув в окуляр смотровой трубы. – У нас стрелки-профессионалы испытывали оружие, и у них так не получалось.

– Я тоже, кажется, не спецназовец-любитель, – заметил капитан Чанышев.

Больше всех был доволен результатом полковник Симагин, поскольку Чанышев представлял род его войск.

– Ну что, возьметесь испытывать такую оснастку? – спросил профессор Крейцер.

– И даже с удовольствием, хотя меня в этой ситуации никто не спрашивал и спрашивать не собирается. Комплект на два взвода уже отправлен?

– Отправлен. Это не в обиду вам такое самоуправство. Просто мы ждали вашего приезда и были уверены, что вы не откажетесь.

– Я в армии служу и подчиняюсь приказам. Завтра прикажут идти в бой с вилами – придется идти. У нас так полагается, Вячеслав Яковович.

– Со всем остальным, на что способен наш шлем, вы сможете познакомиться из инструкции, которую я вам вручу вместе со списком вопросов. Не забыли, что я вам обещал дать?

– Не забыл, товарищ полковник.

– Надеюсь на подробный и развернутый отзыв. Желательно положительный. В формирование костюма «Ратник» участвуем не только мы. Конкуренты готовят свои системы. Их тоже кто-то испытывает в боевой обстановке. Может быть, даже где-то по соседству с вами.

– Я с такими испытателями не встречался. Пусть испытывают. Надеюсь, что соответствующие инстанции выберут лучшее...

– А я надеюсь, что лучшими станут наши образцы...

Впечатление складывалось такое, будто вся Москва стояла в дорожных пробках. Ехали едва-едва. И, как видел капитан Чанышев, подобная ситуация складывалась и на боковых дорогах, не только на так называемых вылетных.

В город въехали по Ленинградскому шоссе, оттуда свернули на улицу Алабяна, потом перед улицей Панфилова свернули на улицу Зорге и добрались до Хорошевского шоссе. Пропуск на капитана Чанышева был заказан загодя, получение много времени не заняло, и уже через пару минут полковник Симагин постучал в дверь кабинета командующего войсками спецназа ГРУ полковника Мочилова.

– Я понимаю, что такое автомобильные пробки, поскольку иногда сам по Москве езжу, но подумал уже, что вы через Нью-Йорк добираетесь. А там пробки похуже наших, я слышал, – встретил их полковник Мочилков. – Здравствуй, Валерий Николаевич. Присаживайтесь. У меня времени осталось в обрез, только чтобы задачу поставить. Твой комбат подполковник Разумовский и командир отдельного отряда полковник Стукалов уже в курсе дела и собирают все необходимые для операции данные. Операцию будете разрабатывать на месте, поскольку у меня сведения слегка разрозненные и неполные. Суть дела такова. В Дагестане объявился некий человек. Сначала его объявили эмиром Арсланбековым. Потом он сам стал звать себя мурзой Арсланбековым. Дело в том, что его банда этническая по своей структуре. В нее входят только ногайцы. А сам мурза, как утверждают в органах местной власти Ногайского района, является чингисидом, то есть потомком Чингисхана. И после каждой своей бандитской вылазки этот мурза Арсланбеков оставляет после себя репродукцию с китайского портрета Чингисхана. Конечно, не роспись тушью по шелку, а простая компьютерная распечатка. Но это его фирменная отметина. Что самое интересное, во всех его последних вылазках присутствует лук. Часового снимают выстрелом из лука, а дальше уже действуют во всеоружии. Основные объекты нападения – представители силовых структур, в основном полиции и органы местного самоуправления. Террористических актов не проводит. По крайней мере раньше не проводил. Но недавно в одном из южных областных центров совершил нападение на хозяйственную базу областного управления внутренних дел. Опять с тем же почерком. Из лука был застрелен часовой. И только потом, когда бандиты проломили взрывом забор, чтобы вынести похищенное, поднялась тревога и караульная рота в коротком

бою понесла значительные потери. Сам мурза Роберт Ильханович Арсланбеков или умудряется выносить своих убитых, или не несет потерь. Но не это главное. Главное в том, что он похитил со склада шесть ящиков с пластиковым шнуром, шесть ящиков со взрывателями, шесть мешков с гексогеном.

– Шесть, шесть и шесть, – заметил полковник Симагин. – У него нет склонности к символике? Число 666 он никак подчеркнуть не желал?

– Не знаю. Не задавался этим вопросом. Скорее всего, нет. Просто, я думаю, на складе больше не было. Он забрал все что было, подчистую. И стоит вопрос: зачем ему взрывчатые вещества? Обычно их применяют террористы. Может быть, что-то готовит? Серьезное, звучное, резонансное? Банда Арсланбекова действует и на территории Ногайского района, и в других районах Дагестана. Несколько раз выходила за пределы республики, как в истории с ограблением складов. Но, что отмечено, всегда действует там, где есть коренное ногайское население. Больше всего их, конечно, в Дагестане. Там, по переписи, ногайцев больше сорока тысяч человек. Около пятнадцати тысяч в Карачаево-Черкесии, более двадцати двух тысяч в Ставропольском крае, тысячи три в Чечне. Все это толкает на определенные выводы: Арсланбеков или нуждается в помощи местного населения, или использует его в своих целях. Причем случаев, когда он выступал против ногайцев, не было. Вот ты, капитан, и будешь испытывать новое вооружение, действуя против этой банды. Ты у нас уже становишься специалистом по испытаниям. Надеюсь, новое оборудование тебе поможет. У меня все. Мне пора бежать...

– А этот мурза тебе, Валерий Николаевич, случаем, не дальний родственник? – спросил полковник Симагин.

– Конечно, – подтвердил Чанышев. – Где-то в глубине веков мы все родственники. Говорят, что нас, родственников, на земле сейчас шестнадцать с чем-то миллионов.

– Вы о чем? – спросил командующий, вставая из-за стола.

– Капитан Чанышев тоже «чингисид». – Петр Ярославович сказал это даже с некоторой гордостью за капитана, у которого собственной гордости по поводу происхождения особо не замечалось.

– Я слышал, что Чанышевы – род княжеский, – заметил Мочиллов. – Род русских князей.

– Это, Юрий Петрович, род монгольских князей, перешедших на русскую службу.

– Ну что же. Тем интереснее может быть встреча двух чингисидов...

Глава первая

Капитан Чанышев ехал из Москвы в Кабардино-Балкарию, где базировался отдельный отряд спецназа ГРУ, восемнадцать с небольшим часов, которые человеку за рулем не кажутся долгими, поскольку сам он в это время занят, а кажутся долгими пассажирам. Но пассажиров у Чанышева в этот раз не было. И только один раз Валерий Николаевич останавливался в дороге – чтобы перекусить. До Москвы, когда отвозил генератор, командир роты добирался двадцать два часа – на четыре часа дольше. Но там машина была тяжело нагружена, ехать приходилось с повышенной аккуратностью, и вообще обратная дорога всегда, как давно заметил капитан, казалась короче и давалась легче. Уложив дальний, полуторатысячекилометровый, путь в восемнадцать часов, Валерий Николаевич умудрился не сильно и устать. И это при том, что федеральная трасса «Дон», по которой он ехал, традиционно считается чуть ли не самой загруженной в России и одной из самых аварийных. В России ведь как бывает? Плохая дорога – машины бьются, и водители ругают дорожников, что дорогу хорошую не сделали. Сделают им хорошую дорогу – начинают летать, как самолеты, и снова бьются. И снова дорожников ругают. Теперь уже за хорошую дорогу, на которой так и тянет разогнаться. Но капитан Чанышев ехал аккуратно, соблюдая все правила движения, и добрался благополучно.

В окнах штаба отряда спецназа ГРУ, занимающего один этаж штаба мотострелкового полка, все еще горел свет. Поставив машину в гараж, Чанышев сразу пошел в штаб с докладом. В кабинете начальника штаба он застал сразу и хозяина кабинета майора Стаканко, и командира отряда полковника Стукалова, и своего командира батальона подполковника Разумовского.

– Мне уже с КПП позвонили, что ты приехал, – сказал подполковник. – Мы тебя весь день ждем. Думали, ты в ночь выедешь.

– А я только под утро. Вечером был в гостях у профессора Страхова. Он пообещал доработать генератор так, чтобы управлять им можно было с дальней дистанции. Это главное, что нас не устраивало. Обещает через полгода снова представить его на испытания. И даже планирует подготовить варианты маскировки, чтобы и сам генератор, и транслирующий локатор можно было оставлять где-то, не опасаясь, что они своим внешним видом себя выдадут. Мы как раз все эти варианты обсудили до отъезда.

– Наш отряд уже становится штатным испытательным подразделением, – с наигранным недовольством произнес полковник Стукалов. – Пора ставить вопрос перед командованием о доплате. Хотя бы офицерам, непосредственно занятым в испытаниях. Ладно... Мы вот по какой причине тебя ожидаем, Валерий Николаевич... Тут на нас давление оказывают по поводу твоих дел. И из Москвы звонили, и из республиканского управления. ФСБ затребовала твой отчет об испытаниях. Я, естественно, сказал, что отчет является документом с грифом «Особой важности», был составлен в единственном экземпляре и переслан с фельдьегерской связью в институт. Чуть-чуть рискнул, поскольку они могут и фельдьегерскую связь запросить. Хотя, как мне показалось, у ФСБ нет причин мне не верить. И добавил, что при всем желании не имею полномочий передавать кому-то результаты таких испытаний, тем более что отчет писал не я и с выводами знаком только поверхностно, по результатам боевых действий. Теперь ты приехал, и они обязательно будут на тебя давить. Меня в неудобное положение не ставь. Засекречены результаты, и все тут. Пусть к разработчикам обращаются, и весь ответ. Мое отношение к вопросу, как сам, наверное, понимаешь, не на пустом месте выросло. Я хорошо помню свой приватный разговор с профессором Страховым. Он очень не хотел, чтобы этот генератор приняли на вооружение в ФСБ, и сразу отка-

звался сотрудничать с тем подполковником, который приехал на испытания. Не помню фамилию. Чип раненому бандиту вшивали...

– Подполковник Юрьев, – напомнил командир роты.

– Вот-вот. Юрьев. Они же с нами не делятся результатами той своей работы – почему мы должны делиться результатами своей? Тем более что генератор не является собственностью спецназа ГРУ. А у ФСБ свой интерес. Я понимаю, неплохо такой штукой разгонять митинги сторонников однополых браков. Хотя, мне кажется, тут проще попросить пару наших взводов, вооруженных лопатками, – и больше ни одного такого митинга в стране не состоится. И вообще, у меня есть опасения, что ФСБ, если такой генератор заполучит, попытается в конечном итоге и спецназом ГРУ управлять в собственных интересах. И еще кое-чем... Попробуй потом доказать, что ты не получал команды на какие-то действия. Опасная это вещь. Я высказывал профессору свои соображения по этому поводу. Он согласился, что применение его генератора должно быть строго регламентировано законом, и говорил, что уже разрабатывается система защиты от такого оружия. Это, как я понимаю, вещь стационарная. Создается оружие – обязательно должна создаваться защита. Так всегда и с любым новым оружием бывает.

– Это да, – кивнул начальник штаба майор Стаканко и погладил свои национальные усы. – Но я капитана по другой причине жду. Ты, Валерий Николаевич, как мне сказали, в курсе, чем тебе в ближайшие дни и недели, может быть и месяцы, заниматься придется. Я про новые испытания говорю, а не про банду Арсланбекова. По поводу Арсланбекова тебя твой комбат дожидается. Так вот, все эти штуки, которые тебе предстоит испытывать, уже прибыли сегодня утром. Не знаю, каким взводам ты оборудование распределишь – это все отдано на твое усмотрение, потому я даже не расконсервировал контейнер. По описи там значится только опломбированный контейнер. Я пломбу лично проверил – без повреждений, а остальное уже твое дело. С утра приступай, принимай и распределяй. Меня только в курс дела поставь, чтобы я хоть знал, что в отряде творится, кого где задействовать и в какой форме.

– Понял, товарищ майор...

– Ну, а моя задача привычнее, – объяснил свое ожидание подполковник Разумовский. – Чтобы нам время не терять, я сам по всем инстанциям прошел, собрал данные и в МВД, и в ФСБ, и в Антитеррористическом комитете федерального округа, и в республиканском Антитеррористическом комитете – везде, где можно было хоть какой-то штрих к портрету найти. Даже в Министерстве образования Дагестана побывал, поскольку Арсланбеков раньше был директором хорошей школы и даже получал на нее какой-то государственный грант. Полные картотеки теперь в компьютере у начальника штаба. Там же данные о похищенном со склада МВД. Полный перечень, чтобы нам знать, где он может это применить. Арсланбеков просто так ничего не делает. Если ограбил склады, значит, имел необходимость во взрывчатых веществах. Могу только сказать, что этот пресловутый потомок Чингисхана – парень, судя по всему, очень хитрый. Ему многократно пытались устроить ловушки, особенно полиция старалась, провоцировали его на действия, но он не поддавался. При попытке задержания ведет себя достойно, что на языке документов называется «особо опасен». Так, после смерти отца, когда Роберт Ильханович приезжал на могилу, поскольку не попал на похороны, за ним была организована погоня. Арсланбеков ехал на лошади, за ним гнались на «уазике» пять вооруженных полицейских. Одного он застрелил из автомата, видимо прямо во время погони, сквозь автомобильное стекло, четверых расстрелял чуть позже из лука. И никто никогда не знает, где ждать от него нового удара, с какой стороны нагрянет, с какой стороны его стрела прилетит и в кого попадет. Среди ногайцев пользуется большим авторитетом и, видимо, имеет много информаторов. Не случайно действует всегда там, где есть местные жители – ногайцы. Однако отследить связи не удалось. Думаю, с дороги у тебя

голова не совсем свежая, так что отдыхай до утра, с утра у тебя забот с грузом будет много, а потом займемся материалами. Начальник штаба, надеюсь, нас к своему компьютеру подпустит.

– А мне что, работайте, – согласился майор Стаканко.

У капитана Чанышева в ротной казарме был свой отгороженный уголок, который официально назывался ротной канцелярией, хотя канцелярской работой Валерию Николаевичу заниматься приходилось не много. Сейф его был почти пустой, им больше пользовался старшина роты старший прапорщик Никитин для своих хозяйственных бумаг. Командира роты спецназа всегда трудно причислить к кабинетным работникам, и потому Чанышева здесь можно было застать чаще всего только после общего отбоя. В стенной нише, где располагалась вешалка, стояла раскладушка и хранился свернутый матрас с постелью. На дневное время раскладушку и постель убирали.

Только добравшись до своей, так сказать, спальной канцелярии, Валерий Николаевич понял, что он все же устал. Наверное, настрой сменился с делового на отдых, и он позволил себе почувствовать усталость. Но сразу лечь не удалось, потому что командиры всех шести взводов роты тоже ждали своего командира роты, как до этого ждало и командование отряда. Чанышев заранее знал, что их волнует. Начальник штаба Отдельного отряда уже донес до них, что боевая оснастка будет выделена на испытания только двум взводам, и каждому хотелось быть среди избранных. После успешных и эффективных испытаний генератора профессора Страхова все ждали новых чудес, которых, как известно, в мире бывает очень мало. Но любое новое оружие – это тоже в какой-то степени чудо. Чудо удачных действий, чудо превосходства над противником, в конце концов, даже чудо спасения. Беда лишь в том, что капитан Чанышев сам еще не знал, какие два взвода из шести он выберет. Каждый взвод был по-своему хорош, и в боевых действиях отлично себя показали все. Скорее всего, в персональной работе по поиску и уничтожению банды мурзы Арсланбекова больше двух взводов использовать Чанышеву не позволят, потому что и помимо Арсланбекова спецназу ГРУ достаётся немало направлений поиска и боевых действий. На Северном Кавказе обстановка напряженная. А двум взводам придется, судя по всему, временно перебазироваться в северные районы Дагестана, может быть в Кизляр, расположенный неподалеку от Ногайского района, может быть напрямую в ногайскую степь, хотя по сезону в палаточном городке в тех краях можно и насморк подхватить, да и пользы от такого переселения будет не много. Где базируется Арсланбеков, никто не знает, но действует он не только в своем районе, и даже чаще не в своем, хотя, как говорят данные, старается опираться на поддержку соплеменников-ногайцев. А это уже говорит о том, что авторитет у бывшего директора школы в своем народе высокий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.